

Ибатуллина Гузель Мртазовна, Нуриева Вилена Маратовна

МИФОЛОГЕМА АПОЛЛОНА В ПОЭМЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ "КРЫСОЛОВ"

Статья посвящена исследованию архетипической основы образа главного героя поэмы М. Цветаевой "Крысолов" - проблеме, долгое время остающейся предметом научных дискуссий. Авторы приходят к выводу, что традиционные дионисийские интерпретации Крысолова не являются исчерпывающими. Более убедительными в образно-смысловых контекстах поэмы оказываются параллели с мифологемой Аполлона в ее наиболее архаической модификации. Особое значение в художественной парадигме "Крысолова" приобретают солярно-хтонические черты и функции Аполлона, изображаемого в древней мифологии в качестве "водителя" муз, мышей и детей, "охотника" и "музыканта", что обнаруживает более адекватное, нежели дионисийский миф, отражение в образно-сюжетной системе произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 21-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

«морали», но чаще всего предоставляют возможность сделать вывод самим читателям. «Художественная индивидуальность баснописца проявляется в манере повествования и своеобразии интерпретации» [7, с. 508].

Таким образом, в адыгской басне наблюдаются отчетливая тенденция к осмыслению признаков жанра как таковых и сознательная установка на художественное раскрытие их трансформаций. Глубокая связь жанра басни с запросами времени, отражение в нем национальной специфики, единство его с народным творчеством, способность к постоянным изменениям характеризуют своеобразие адыгской басни. Языковое богатство и стилистическое совершенство – характерные черты поэтики басен адыгских поэтов. Предельно лаконичное повествование баснописцев отличается простотой, ясностью языка и стиля, сочетающимися с глубиной и мудростью содержания. Как отмечает литературовед Х. Т. Тимижев, «в адыгских баснях высеиваются различные пороки современного общества» [6, с. 321].

Список источников

1. **Белинский В. Г.** Собрание сочинений: в 3-х т. М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1948. Т. II. 932 с.
2. **Белокурова С. П.** Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006. 320 с.
3. **Бозиева Н. Б., Гупсешева З. З.** Басня в кабардино-черкесской литературе // Перспектива – 2017: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4-х т. Нальчик: КБГУ, 2017. Т. 4. 500 с.
4. **История адыгейской литературы:** в 3-х т. / Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2002. Т. II. 550 с.
5. **Машитлова Е. К.** Сделавшие первый шаг. Нальчик: Эльбрус, 1968. 250 с.
6. **Тимижев Х. Т.** Современная литература и жизнь // История адыгской (кабардино-черкесской литературы): в 3-х т. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. Т. II. 480 с.
7. **Хут Ш. Х.** Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2003. 536 с.

GENRE OF FABLE IN ADYGHE LITERATURE

Bozieva Naima Borisovna, Ph. D. in Philology
Gupsesheva Zalina Zalimkhanovna

Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik
naimabozieva@mail.ru

In the article the origins and formation of the fable genre in Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian) literatures are considered. The aim of the work is to study this phenomenon, the features of its content and form by the example of the Adyghe poets P. Shekikhachev, B. Kagermazov, M. Paranuk, Kh. Ashinov. The results of the analysis of their works testify that this literary genre has always played an important role in the moral and spiritual life of the ethnos. The Adyghe fable sharpened general human problems, philosophically interpreted the spiritual world of its contemporary; was characterized by topicality, relevance, satirical sharpness. The author concludes that the socio-historical conditions of life at different stages of the literary process determined the poetics of the Adyghe fable.

Key words and phrases: genre; fable; Adyghe literature; allegory; satire.

УДК 821.161.1-1

Статья посвящена исследованию архетипической основы образа главного героя поэмы М. Цветаевой «Крысолов» – проблеме, долгое время остающейся предметом научных дискуссий. Авторы приходят к выводу, что традиционные дионисийские интерпретации Крысолова не являются исчерпывающими. Более убедительными в образно-смысловых контекстах поэмы оказываются параллели с мифологемой Аполлона в ее наиболее архаической модификации. Особое значение в художественной парадигме «Крысолова» приобретают солярно-хтонические черты и функции Аполлона, изображаемого в древней мифологии в качестве «водителя» муз, мышей и детей, «охотника» и «музыканта», что обнаруживает более адекватное, нежели дионисийский миф, отражение в образно-сюжетной системе произведения.

Ключевые слова и фразы: М. Цветаева; миф; символ; архетип; оппозиция; парадигма.

Ибатуллина Гузель Мртазовна, д. филол. н., доцент

Нуриева Вилена Маратовна

Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
guzel-anna@yandex.ru; vilena5555@mail.ru

МИФОЛОГЕМА АПОЛЛОНА В ПОЭМЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «КРЫСОЛОВ»

Архетипическая природа и сущность образа главного героя поэмы М. Цветаевой «Крысолов» уже неоднократно являлась предметом обсуждения в работах цветаеведов [6; 7; 9]. «Его трактуют как фигуру средневековой легенды, сказочного героя-спасителя, романтического бродягу, типичного представителя богемы,

анархического антигероя, демонического искусителя, сатану в церковном смысле, комического фольклорного черта, аллегорического духа музыки, символическое олицетворение поэзии, универсального архетипа поэта...», – отмечает З. Б. Рамазанова [8, с. 13]. Все названные архетипические модели, как и ряд других, не обозначенных выше, не отражают глубинной внутренней сути героя, являясь скорее масками персонажа, отчасти репрезентирующими, отчасти скрывающими его истинный лик; вспомним, что подобные принципы изображения героя характерны для поэтики М. Цветаевой в целом [1]. Однако, несмотря на то, что интерпретации Крысолова многолики и разновекторны, как и сам герой поэмы, они имеют достаточно четко выраженную когерентную смысловую направленность. Как правило, большинство существующих трактовок акцентируют дионисийский код в парадигме образа [7, с. 123; 8, с. 17]. Исследователи здесь основываются, в первую очередь, на особенностях восприятия стихий дионисийства в личностном и творческом сознании самой М. Цветаевой; так, широко известны ее высказывания, свидетельствующие о дионисийских акцентах мироощущения: «“Аполлоническое начало”, “золотое чувство меры” – разве вы не видите, что это только всего: в ушах лицеиста застрявшая латынь» [10, т. 5, кн. 2, с. 10].

Однако, несмотря на это, дионисийская интерпретация Крысолова, на наш взгляд, не является исчерпывающей и единственно возможной: ведь образно-смысловая парадигма образа, реализованная в тексте произведения, и изначальные авторские установки не всегда вполне тождественны. Более того, известно, что поэтическая стихия творческого сознания М. Цветаевой менее всего склонна считаться с какими-либо заданными установками, даже если они исходят из ее собственных эстетических моделей. Доминантны для нее не рационально оформленные модели, а живая реальность рождающегося образа, источником которого становится интуитивно-инстинктивное проникновение в мир через его стихийные энергии, в том числе и через стихию словотворчества. Характерно в этом отношении замечание И. В. Кудровой: «...всякий раз, когда М. Цветаева прибегает к выражению “это больше, чем искусство”, она хочет сказать о силах, прорывающихся в творческий процесс **помимо воли художника**» [3, с. 209] (курсив автора цитируемого текста, жирный шрифт наш. – Г. И., В. Н.).

Одним из парадоксов цветаевской поэмы можно назвать то, что открыто «пренебрегающая» аполлонизмом, в противовес дионисизму, М. Цветаева в действительности актуализирует в «Крысолове» глубоко архаичные по своей природе мифологемы, связанные именно с образом Аполлона. Вероятно, первым и на сегодняшний день единственным исследователем, указавшим, хотя и очень кратко, на аполлонические корни Крысолова, является Р. Г. Назиров [5, с. 90], чья гипотеза оказалась тождественной концепции одного из авторов данной статьи, сложившейся еще до знакомства с небольшой заметкой Р. Г. Назирова.

Параллели образа Крысолова (как в изображении М. Цветаевой, так и в предшествующей традиции) с аполлоническими мифами кажутся очевидными, если принять во внимание не только поздние интерпретации божества на стадии олимпийской или героической мифологии (облик Аполлона, утвердившийся затем и в европейской культуре в целом), но и более древние модификации образа Аполлона, наделенные преимущественно хтоническими функциями. Архаическая природа Аполлона обстоятельно описана в работах А. Ф. Лосева [4], и целый ряд выделяемых им хтонических характеристик значим для понимания мифологемы Крысолова. Более того, сам сюжет о Крысолове в результате оказывается также гораздо более древним, нежели его европейские вариации, имеющим архетипические корни уже в древнегреческой мифологии. Так, например, А. Ф. Лосев, ссылаясь на известного древнегреческого историка и географа Страбона, упоминает о древней легенде, связанной с мифами об Аполлоне Сминфее (*smintheys* – мышиный), согласно которой Аполлон спас от нашествия мышей жителей города Гамаксит (обратим внимание на случайно-неслучайное, совсем в духе и стиле Цветаевой, созвучие топонимов: Гамаксит – Гаммельн). По словам Страбона, «огромное количество полевых мышей вышло там ночью и перегрызло всю кожу на оружии и сосудах» [Цит. по: Там же, с. 278], Аполлон же, в соответствии с предсказанием оракула, спасает город, за что благодарные жители воздвигают храм в его честь. В этом храме находилась и знаменитая статуя Аполлона Сминфея работы Скопаса – Аполлон, придерживающий пятою мышь. Эта статуя – один из наиболее выразительных символов архаической амбивалентной сути Аполлона как солярно-хтонического божества, благодаря которому поддерживается динамически-творческое равновесие между Хаосом и Космосом: если Аполлон изначально был связан с космоургическими функциями, то мышь (или крыса у М. Цветаевой как ее инвариантный образ) – с энергиями и силами Хаоса. Весьма убедительную и красивую интерпретацию этой мифологемы мы находим также в статье М. Волошина «Аполлон и мышь» [2].

Аполлон воспринимался с древнейших времен и как водитель, покровитель мышей (более того, по словам А. Ф. Лосева, «когда-то сам был мышью» [4, с. 278]; сравним у М. Цветаевой о Крысолове: «Крысолов? / Крысо-люб: значит, любит, коль ловит!» [10, т. 3, кн. 1, с. 14]), и одновременно как их уничтожитель. Вместе с тем архаический Аполлон – не только «крысолов», но и охотник, и музыкант, что также обнаруживает очевидные параллели в образно-смысловой парадигме поэмы М. Цветаевой. А. Ф. Лосев, приводя целый ряд примеров из Эсхила, Софокла и других авторов, свидетельствует, что определение «охотник» использовалось как устойчивый эпитет не только по отношению к сестре божества Артемиде, но и к самому Аполлону [4, с. 289]. В структуре образа цветаевского Крысолова, как известно, архетип охотника выделяется в качестве одной из семантически акцентированных составляющих, поскольку герой наделяется символическими функциями «охотника за душами»: при этом он не искушает, а испытывает души, являясь в роли похитителя-освободителя их из плена земного, «слишком человеческого» (Ницше). Связь Аполлона с музыкой, а также творчеством

и искусством в целом – наиболее репрезентативная в общекультурном сознании черта этого олимпийца. И хотя архетип музыканта в структуре образа Крысолова обычно соотносят с дионисийскими контекстами поэмы М. Цветаевой, следует сказать, что аполлонический первообраз здесь актуализирован не в меньшей мере. Даже знаковая по своим функциям флейта Крысолова не является атрибутом исключительно дионисийским по происхождению. Несмотря на то, что в мифах мы чаще встречаем Аполлона с кифарой или лирой, «көөкакие источники говорят и об его любви к флейте, вспомним хотя бы миф об Аполлоне и Марсии» [Там же]. Подобная неоднозначность обнаруживается и в акватической символике «Крысолова», которую большинство исследователей традиционно соотносят с доминантой дионисийских стихий в поэме. Однако «власть Аполлона простирается на море и сушу... Аполлон как морское божество был очень популярен в Греции под именем Дельфиния» [Там же, с. 295]. Характерно, что само рождение бога миф связывает именно со стихией воды, он родился на плавучем острове Астерия, поскольку Гера запретила его матери Лето ступать на твердую землю. Связан Аполлон в древней мифологии и с темой детей, причем связь эта носит явно амбивалентный характер, что также коррелирует с сюжетно-смысловой парадигмой поэмы М. Цветаевой. С одной стороны, вместе с Артемидой он губитель детей Ниобы, с другой – «Аполлон, которому в классическое время не приписывались воспитательные функции, в архаические времена обладал ими в полной мере» [Там же, с. 290]. А. Ф. Лосев приводит ряд примеров (из Гомера, Гесиода и др.), в которых Аполлон представлен водителем и воспитателем детей, что с удивительной точностью реинкарнируется в художественных контекстах «Крысолова», где герой явлен, как и в аполлонических мифах, водителем муз, мышей и детей одновременно.

Таким образом, мы рассмотрели семантически знаковые для Аполлона – Крысолова черты, в значительной мере определяющие образно-символический строй и сюжетную логику поэмы Цветаевой. Мифологема Аполлона, несомненно, здесь актуализирована не менее, чем мифологема Диониса; более того, анализ текста произведения позволяет говорить об амбивалентном единстве этих образов, характерном и для культурологического их восприятия в целом.

Список источников

1. **Божкова Г. Н., Шабалина Н. Н.** Лицо и маска в лирике М. И. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. 2. С. 34-36.
2. **Волошин М. А.** Аполлон имышь // Волошин М. А. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 96-112.
3. **Кудрова И. В.** Загадка злодеяния и чистого сердца // Марина Цветаева. Статьи и тексты // Wiener slawistischer almanach / ред. Л. А. Мнухин. Wien: Verlag Otto Sagner München – Berlin – Washington D. C., 1992. Sonderband 32. С. 201-217.
4. **Лосев А. Ф.** Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
5. **Назирова Р. Г.** Крысолов из Гаммельна // Назирова Р. Г. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 90-91.
6. **Осипова Н. О.** Поэмы М. Цветаевой 1920-х годов: проблема художественного мифологизма. Киров: ВГПУ, 1997. 101 с.
7. **Подлубнова Ю. С.** Метажанры в русской литературе 1920 – начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория): дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2005. 218 с.
8. **Рамазанова З. Б.** Сагирические и лирические герои поэмы Марины Цветаевой «Крысолов»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2006. 22 с.
9. **Суни Т.** Тройная интерпретация главного героя поэмы «Крысолов» М. Цветаевой // Ученые записки Тартуского университета. Тарту: Тартуский ун-т, 1990. Вып. 897. С. 140-151.
10. **Цветаева М. И.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Терра; Кн. лавка – РТР, 1997.

MYTHOLOGEME OF APOLLO IN M. TSVETAEVA'S POEM "THE RATCATCHER"

Ibatullina Guzel' Mrtazovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Nurieva Vilena Maratovna

*Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
guzel-anna@yandex.ru; vilena5555@mail.ru*

The article is devoted to studying the archetypal basis of the image of the protagonist in M. Tsvetaeva's poem "The Ratcatcher" – a problem that for a long time remains the subject of scientific discussions. The authors come to the conclusion that the traditional Dionysian interpretations of the Ratcatcher are not exhaustive. More convincing in the figurative-semantic contexts of the poem are the parallels with the mythologeme of Apollo in its most archaic modification. The solar-chthonic features and functions of Apollo, portrayed in ancient mythology as the "driver" of muses, mice and children, "hunter" and "musician", acquire special significance in the artistic paradigm of "The Ratcatcher", which reveals more adequate reflection than the Dionysian myth in the imagery-plot system of the work.

Key words and phrases: M. Tsvetaeva; myth; symbol; archetype; opposition; paradigm.